

К. М. Богрова

Устойчивые сравнения в древнерусском тексте (на материале «Повести временных лет»)

Статья посвящена основным особенностям семантики и структуры устойчивых сравнений в древнерусском тексте, а также их отличиям от смежных явлений.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, уподобление, отрицательное сравнение, ретроспективная историческая аналогия, предмет сравнения, образ сравнения, основание сравнения, семантическая модель, структурная модель.

К. М. Bogrova

Steady Comparisons in the Old Russian Text (on the material "Stories of Time Years")

This article is devoted to the basic features of semantics and the structure of idiomatic comparisons in the Old Russian text also to their differences from the adjacent phenomena.

Keywords: idiomatic comparison, assimilation, negative comparison, retrospective historical analogy, a subject of comparison, image of comparison, a basis of comparison, a semantic model, a structural model.

Исследователи отмечают, что сравнение представляет собой «прием познания внешнего мира и духовных ценностей», в результате которого появляется «возможность устанавливать общие свойства, признаки, присущие данным предметам или явлениям» [4, с. 567].

Предметом статьи является один из способов выражения сравнения в древнерусском тексте – сравнительные обороты, вводимые союзами: ...*в нутрѣнѣиши странѣ ихъ челоувѣкъ ядуще и странѣствующихъ убиваху, паче же ядятъ яко пси* (ПВЛ, с. 32). По словам В. В. Колесова, такие обороты являются типичной формулой сравнения, которое основано на сопоставлении двух предметов/явлений действительности по общему признаку [3, с. 204]. Обороты, имеющие в качестве формального показателя сравнительные союзы, обладают *устойчивостью* на лексико-семантическом уровне, которая проявляется в воспроизводимости сравнительных конструкций, обусловленной наличием синкретичного значения (*синкретсемией*. – М. В. Пименова) [10, с. 259]. М. В. Пименова отмечает, что в устойчивых сравнениях одно синкретичное значение выражается узуально закрепленными в языке формами нескольких лексико-грамматически связанных слов [9, с. 50], например: *Матере же чадѣ сихъ плакаху по нихъ, еше бо не бяху ся утвердили вѣроу, но акы по мертвецѣи плакахся* ('горь-

ко') (ПВЛ, с. 132); *Единою же ему сѣдящу, по обычаю, с свѣщю угасившю, внезапно свѣтъ восья, яко от солнца* ('яркий') (ПВЛ, с. 204).

От устойчивого сравнения следует отличать смежные явления: уподобление, «отрицательное» сравнение, ретроспективную историческую аналогию, которые характеризуются не только различными формальными показателями, но и отсутствием семантического синкретизма.

Конструкция, в состав которой входит творительный сравнения имени, является типичной формулой *уподобления* (а не сравнения!): *Явися звѣзда велика на западе копейным образом* (ПВЛ, с. 46). Здесь для автора важнее показать не сходство, а функцию [3, с. 204]. В сочетаниях типа *скачи волком* наблюдается устойчивость грамматической структуры: $V_f - N_5$, причем наличие глагола обязательно, так как он указывает конкретную форму метаморфозы, тогда как сравнение выделяет общий родовой признак сравниваемых объектов [2, с. 148].

«Отрицательное» сравнение – это формула, характерная для русского народного эпоса: *Не буря соколы занесе чресь поля широкая – галици стады бѣжати къ Дону Великому* (Сл. пл. Иг, с. 372). Такие сравнения предполагают «положительное утверждение, которое отвергается как не соответствующее действительности» [6, с. 30]. «Отрицательное» сравнение представляет собой

двухкомпонентную структуру, между объектами которой нет подобия, сходства, между ними возникают отношения противопоставления ('не то, а это'), требующие устойчивости синтаксической структуры, что мы можем наблюдать при анализе «отрицательных» сравнений, вводимых в текст частицей «не».

В отличие от сравнения, указывающего на сходство, *ретроспективная историческая аналогия* своей функцией имеет выражение оценки тех или иных исторических событий [1, с. 9]. Следовательно, внимание автора привлекает не сходство объектов, а сходство ситуаций. Кроме того, ретроспективная историческая аналогия по своей структуре представляет собой двучленную конструкцию, одна часть которой содержит пример из истории, а другая описывает современное автору событие [1, с. 12]: *Се же бысть, якоже при Соломанѣ приде царица ефиопская к Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость видѣти и знаменья: тако же и си блаженная Ольга искаше доброѣ мудрости божьа* (ПВЛ, с. 76).

Устойчивое сравнение, в отличие от смежных явлений, характеризуется наличием двух денотатов, сопоставительных отношений между ними, трехкомпонентной семантической структурой и особым формальным показателем.

Лингвисты отмечают, что любая компаративная структура включает 3 компонента: предмет сравнения, то есть то, что сравнивается, образ сравнения, то есть то, с чем сравнивается, и основание сравнения, то есть признак, по которому сравниваются предметы.

Семантический анализ *предметов сравнения* позволяет выделить среди них две группы: одушевленные и неодушевленные. В группе одушевленных можно выделить предметы сравнения, связанные с названиями человека (*[Добрая жена] бысть яко корабль, куплю дѣюци, издавша сбирает собѣ богатство... (ПВЛ, с. 94) и нечистой силы (И тако взя побѣду на бѣсы, яко мухы ни во что же имяше страшенья ихъ и мечтанья ихъ (ПВЛ, с. 208).* Причем наиболее распространены в «Повести временных лет» оказывается первая подгруппа, в которой предметы сравнения являются названиями человека по имени, по роду деятельности, по возрасту (*Игорь, Иисус, Глеб, княгиня, младшие*).

В группу неодушевленных предметов сравнения входят *абстрактные понятия (Аще и тѣломъ апостоли не суть сдѣ были, но ученья*

ихъ аки трубы гласять по вселенѣи в церквахъ ... (ПВЛ, с. 98) и конкретные предметы (Единоу подступиша к граду под вежами, онѣм же бьющим с града, и стреляющим межю собою, идяху стрѣлы аки дождь (ПВЛ, с. 262). Преобладают конструкции, предметами сравнения которых являются абстрактные понятия (*беззакония, учения, свет, солнце*).

В результате семантического анализа *образов сравнения* мы также выделяем две группы: одушевленные и неодушевленные образы сравнения. В первую группу входят лексемы, обозначающие человека с точки зрения возрастных характеристик (*[Исакий] на ноги нача вставати аки младенець, и нача ходити (ПВЛ, с. 206) и родства (Володимеръ ... паче же и чернецьскый чинъ любя, и черници любя, приходящая к нему напиташе и напаяше, аки мати дѣти своя (ПВЛ, с. 256), а также лексемы, обозначающие символических животных, восходящих к библейской или народной традиции, например: Исаия же рече: «Яко овца на заколенье веденъ бысть» (ПВЛ, с. 116); ... мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твой аки волкъ восхищая и грабя ... (ПВЛ, с. 70).*

Группу неодушевленных образов сравнения составляют *абстрактные понятия (Радуйтася, лукаваго змия поправша, луча свѣтозарна явистася, яко свѣтилѣ озаряюща всю землю Русьскую, всегда тму отгоняща, являющася вѣроу неуклонноу (ПВЛ, с. 152) и конкретные предметы (...овѣхъ растинаху, другия аки странъ поставляющее и стрѣляху въ ня... (ПВЛ, с. 58).* Наиболее употребительными образами сравнения в «Повести временных лет» являются различные источники света (*заря, луна, светила, солнце, месяц*), символические животные (*псы, скот, волк, овца, звери, ягненок, свинья*), человек (*дети, младенец, люди, мать*).

Часто образы сравнения в древнерусских текстах выражают положительную или отрицательную оценку. Критерием таких оценок является соблюдение/несоблюдение норм христианской морали [7, с. 103]. Если предмет сравнения связан с понятием следования христианским заповедям, то он уподобляется различным естественным и искусственным источникам света: [*Ольга] си бысть предътекущая крестьяньстѣи земли, аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ (ПВЛ, с. 82).* Если же предметом сравнения являются враги, убийцы, враждебные христианской морали, то образами таких сравнений становятся библейские образы «нечистых» жи-

вотных: *Да аще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ: но мы на злое възвращаемся, акы свинья в калѣ грѣховнѣмъ присно каляющесе, и тако пребываемъ* (ПВЛ, с. 182).

Третьим, обязательным, компонентом компаративной структуры является *основание сравнения*, то есть признак, по которому происходит сопоставление двух денотатов. Анализ сравнительных конструкций в «Повести временных лет» показал, что признак, положенный в основу сравнения, может быть как материально выражен, так и не назван. В связи с этим выделяются устойчивые сравнения с *эксплицированным* признаком (основанием) сравнения и устойчивые сравнения с *неэксплицированным* признаком. Так, в предложении *Аще ли от тѣхъ самѣхъ прежде реченыхъ не съхранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву от Бога, въ его же вѣруемъ – в Перуна и въ Волоса, скотья Бога, и да будемъ золоти, яко золото, и своимъ оружьемъ да исччени будемъ* (ПВЛ, с. 86) признак сравнения *эксплицирован*: *мы будемъ желты* как *золото* (перевод Д. С. Лихачева), а в предложении *Тази и быша черноризци Феодосьева манастьря, иже сять и по смерти, яко свѣтила, и молят бога за сдѣ суцюю братью* (ПВЛ, с. 210) признак, положенный в основу сравнения, в контексте не назван. В большинстве конструкций мы имеем дело с *неэксплицированным* признаком, это связано, прежде всего, с тем, что средневековый человек сопоставляет неизвестный ему объект с уже известным, и необходимость в назывании признака, по которому уподобляются объекты, отсутствует.

В результате семантического анализа компонентов сравнений, опираясь на классификацию образных выражений, предложенную В. В. Колесовым [3, с. 246], мы выделяем следующие *семантические модели* устойчивых сравнений: 1) *одушевленное/одушевленное*: в сравнениях, построенных по такому типу, одушевленный предмет уподобляется одушевленному образу, например, человеку приписываются свойства и действия символических животных: *Поваръ же Глѣбовъ, именовъ Торчинъ, вынезь ножъ зарѣза Глѣба акы агня непорочно* (ПВЛ, с. 150); 2) *одушевленное/неодушевленное*: в сравнениях данного типа одушевленный предмет уподобляется неодушевленному образу: *Си бо съяше акы луна в ноци, тако и си в невѣрныхъ чловѣцехъ свѣтящесе, акы бисерь в калѣ ...* (ПВЛ, с. 82); 3) *неодушевленное/неодушевленное*: в таких сравне-

ниях неодушевленный предмет уподобляется неодушевленному признаку: *Егда удариша в било, видѣста 3 столпы, ако дугы зарны ...* (ПВЛ, с. 220).

Для древнерусского текста нехарактерна семантическая модель «*неодушевленное/одушевленное*», в которой неодушевленный предмет сравнивается с одушевленным (в отличие от современного русского языка, ср.: «Мелькать/мелькнуть змейкой (как змейка)» в значении ‘о мелькнувшей вдали извилистой речке, дороге, тропе’ [8, с. 141]). Отсутствие данной модели в древнерусском тексте связано с тем, что, как отмечает Д. С. Лихачев, сравнения в древнерусском тексте чаще основаны не на зрительном сходстве, а на сходстве осязательном, обонятельном, вкусовом [5, с. 176], что подтверждает наш материал: *Она же, поклонивши главу, стояше, акы губа напаяема, внимаючи ученья ...* (ПВЛ, с. 74). Кроме того, сравнения касаются внутренней сущности сравниваемых объектов. Автор древнерусского текста не стремится конкретно представить себе объекты сравнения. Он сравнивает «сущности» [5, с. 177]. Например, *И се нападоша акы звѣрье дивши около шатра ...* (ПВЛ, с. 148); *И поидоша полкове акы борове, и не бѣ презрѣти ихъ* (ПВЛ, с. 270).

Проанализируем *структурные модели* древнерусских устойчивых сравнений. В тексте «Повести временных лет» встречаются трехкомпонентные сравнения, обязательным элементом которых является союз. Можно выделить следующие структурные модели: 1) V_f (союз) N_1 : *И радимичи, и вятичи, и сѣверь одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣ, якоже и всякий звѣрь, ядуще все нечисто* (ПВЛ, с. 30); *Азъ бо не хоцю тяжьски дани възложити, якоже и мужь мой, сего прошо у васъ мало* (ПВЛ, с. 72); 2) V_f (союз) Adj : *И взявше и на коврѣ възложиша на кола яко мертвѣ, повезоша и Володимерю* (ПВЛ, с. 252); *... И плакатися нача попадѣя, яко мертву суцу оному* (ПВЛ, с. 252); 3) N_1 (союз) N_1 : *И поидоста 2 уноши к нему красна, и блистаста лице ею, акы солнце* (ПВЛ, с. 204); *... бываше в ноци тутънь, станяше по улицѣ, яко чловѣци рицюще бѣси* (ПВЛ, с. 224); 4) V_f (союз) N_4 : *И преклонися на молбу княгинину, чтяшетъ ю акы матеръ* (ПВЛ, с. 254); *Бонякъ же раздѣлися на 3 полкы, и сбиша угры акы в мячь* (ПВЛ, с. 262).

Некоторые трехкомпонентные структурные модели сравнения расширяются. Такое расширение может происходить различными способами:

во-первых, экспликацией основания сравнения, то есть распространением левого компонента (*Князю Святославу възрастѣиу и възмужавѣиу, нача вои совокупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардусъ, войны многи творяше* (ПВЛ, с. 78); во-вторых, расширением правого компонента сравнения, который может распространяться именем прилагательным (*Тако же и старѣишии имяху любовь к меншимъ, наказаху, утѣшающе, яко чада възлюблена* (ПВЛ, с. 202), а также предложно-падежной формой имени существительного (*И ина словеса хулная глаголаху на святыхъ иконы, насмихающеся, не вѣдуще, яко Богъ кажетъ рабы своя напастми ратными, да явятся яко злато искушено в горну* (ПВЛ, с. 242).

Итак, *устойчивое сравнение* – это регулярно воспроизводимая конструкция, основанная на сопоставлении двух денотатов (одушевленных и неодушевленных) по общему признаку (скрытому или названному), обладающая трехкомпонентной семантической структурой, имеющая синкретичное значение, вводимая в текст сравнительными союзами (*яко, акы, аки*).

Приложение

ПВЛ – Повесть временных лет [Текст] / Подгот. текста и коммент. О. В. Творогова, пер. Д. С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. – М., 1978. – С. 22–277.

Сл. пл. Иг. – Слово о полку Игореве [Текст] / Подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. – М., 1980. – С. 372–387.

Библиографический список

1. Акимова, Э. Н. Языковая организация ретроспективной исторической аналогии с семантикой обусловленности [Текст] / Э. Н. Акимова // Слово и текст: история, культура, этнос: сб. науч. тр. памяти Лидии Яковлевны Петровой. – Сыктывкар: СыктГУ, 2009. – С. 9–16.
2. Колесов, В. В. Уподобление [Текст] / В. В. Колесов // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. Т. V. – СПб., 1995. – С. 148–150.
3. Колесов, В. В. Философия русского слова [Текст] / В. В. Колесов. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.
4. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник [Текст] / Н. И. Кондаков; отв. ред. Д. П. Горский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
5. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы [Текст] / Д. С. Лихачев. – М.: Наука, 1979. – 360 с.
6. Миклошич, Ф. Изобразительные средства славянского эпоса [Текст] / Франц Миклошич. – М., 1895. – 34 с.
7. Михайловская, Н. Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI–XIV вв.: Нормативный аспект [Текст] / Н. Г. Михайловская. – М.: Наука, 1980. – 253 с.
8. Мокиенко, В. М. Словарь сравнений русского языка [Текст] / В. М. Мокиенко. – СПб.: Норинт, 2003. – 608 с.
9. Пименова, М. В. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте [Текст] / М. В. Пименова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. – 415 с.
10. Пименова, М. В. Устойчивые сравнения и смежные виды семантических сближений в древнерусском тексте [Текст] / М. В. Пименова // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы VIII Международной научной конференции. – Владимир: ВГУ, 2009. – С. 255–259.